

КОММЕНТАРИИ
И ТОЛКОВАНИЯ

О полномочиях должностных лиц, осуществляющих следственные действия: вопросы теории и практики

Сергей Борисович Россинский*

Любые следственные действия как производимые органами дознания или предварительного следствия уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела¹, всегда проистекают в рамках урегулированных УПК РФ общественных отношений. Их содержание напрямую зависит от взаимообусловленных полномочий, прав, обязанностей и ответственности участвующих в них субъектов, вытекающих как из назначения всей уголовно-процессуальной деятельности и общих условий предварительного расследования в целом, так и из целей и задач отдельных следственных действий в частности. Представляется, что эти полномочия, права, обязанности, ответственность как раз и являются тем самым фундаментом, на котором впоследствии при строгом соблюдении установленной законом юридической формы возможно осуществ-

вление процессуального познания, собирания (формирования) и проверки доказательств. А имеющиеся пробелы в процессуальной регламентации некоторых участников следственных действий порождают серьезные затруднения в следственной практике и последующей прокурорской и судебной оценке ее результатов.

Очевидно, что статус участников традиционного был и остается одним из ключевых вопросов, возникающих в теории и нормативном регулировании и практике следственных действий. В этой связи непонятно, почему ученые, работающие в данном направлении, либо рассматривают эти аспекты весьма фрагментарно, преимущественно посредством простого описания соответствующих норм закона, либо вообще аккуратно обходят их стороной. Достаточно подробно участники следственных действий рассматриваются лишь в работах С.А. Шейфера², который, вместе с тем, исключает из предложенной им системы лиц самых главных субъектов – должностных лиц органов предварительного расследования, осуществляющих следственные действия и наделенных для этого соответствующими государственно-властными юрисдикционными полномочиями³.

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

¹ См.: *Россинский С.Б.* Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2015. С. 78; *Он же.* Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 2. С. 29.

² См.: *Шейфер С.А.* Следственные действия: система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 122–159.

³ См.: Там же. С. 34.

В данной статье мы постараемся частично заполнить указанные пробелы и проанализировать некоторые проблемы, возникающие в теории, нормативном регулировании и практике участия органов дознания и предварительного следствия как субъектов, осуществляющих следственные действия и наделенных для этого соответствующими государственно-властными юрисдикционными полномочиями.

Для начала следует обратить внимание, что их функции⁴ направлены на досудебное познание обстоятельств уголовного дела, собирание (формирование) новых или проверку имеющихся доказательств (как обвинительных, так и оправдательных) в целях достижения цели и решения задач, стоящих перед дознанием или предварительным следствием. Однако подобный и вполне справедливый доктринальный постулат невольно упирается в чуждые для национальной модели предварительного расследования западно-ориентированные правовые ценности. Действующий, казалось бы, столь демократичный, УПК РФ отбросил отечественный уголовный процесс в этой части к еще более примитивным механизмам по сравнению с теми, которые были присущи советскому процессуальному закону, так сильно критикуемому представителями псевдолиберальной общественности. Благодаря принципу состязательности в его англосаксонском варианте, предполагающему жесткое, гетерогенное разделение общепроцессуальных функций на обвинение, защиту и разрешение уголовного дела (ст. 15 УПК РФ), следователь из субъекта-познавателя, «расследователя» (каким он был ранее) превратился в классического обвинителя-инквизитора, стремящегося по своему функциональному назначению изобличить лицо в совершении преступления. Очевидно, что именно этим во многом и объясняется тот самый пресловутый обвинительный уклон, о недопустимости которого постоянно говорится в научных публикациях и средствах массовой информации. В свое время Конституционный Суд попытался несколько

⁴ В данном случае эти функции понимаются нами не в общепроцессуальном смысле как основные направления деятельности субъектов уголовного судопроизводства (обвинение, защита, разрешение уголовного дела и т.д.), а в более узком значении, определенном в работах С.А. Шейфера и предполагающем специфическую роль соответствующего участника в контексте познавательной направленности следственных действий, собирания (формирования) новых или проверки имеющихся доказательств. Подробнее см.: Шейфер С.А. Указ. соч. С. 134.

сгладить отмеченный законодательный перегиб. В частности, отмечалось, что должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны объективно исследовать все обстоятельства уголовного дела, и каких-либо положений, допускающих освобождение следователя (дознателя) от выполнения этих обязанностей, УПК РФ не содержит⁵. Однако думается, что для окончательного решения данной проблемы и устранения имеющихся противоречий необходимы более серьезные шаги, связанные с возвращением уголовно-процессуальной политики к национальным традициям, а именно: законодательная реставрация принципа всестороннего, полного объективного исследования обстоятельств уголовного дела (о чем говорят многие современные исследователи⁶), а также пересмотр государственной идеологии в отношении профессии следователя, повышение уровня его профессионализма, правосознания и ответственности перед государством, обществом и отдельно взятой личностью за исполнение своих обязанностей (о чем мы неоднократно писали в своих публикациях⁷).

Современный уголовно-процессуальный закон позволяет отнести к должностным лицам, осуществляющим следственные действия, следователя, следователя-криминалиста, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и оперативных сотрудников.

Следователь – это участник уголовного судопроизводства, который в процессе производства следственного действия одновременно выполняет две

⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

⁶ Например: Шейфер С.А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 35–36; Михайлов В.А. Задачи уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2011. № 2. С. 98; Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016. С. 5–15; Шелегов Ю.В. Использование косвенных доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. С. 64 и т.д.

⁷ Росинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (К 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 95; Росинский С.Б. Концепция судебной реформы в РСФСР и современные проблемы организации предварительного следствия // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 45.

процессуальные функции. С одной стороны, он является своеобразным субъектом-распорядителем. Следователь руководит следственным действием, направляет его ход, организует деятельность других участников, обеспечивает реализацию принципов уголовного судопроизводства, процедуру следственного действия, предусмотренные законом правовые гарантии (разъясняет всем участвующим лицам их права, обязанности, а в необходимых случаях – ответственность, знакомит с регламентом следственного действия, предоставляет возможность заявить ходатайство, отвод, сделать заявление, задать вопрос, ознакомиться с протоколом, внести на него возражения и т.д.). Он же отвечает за надлежащий порядок следственного действия (пресекает любые формы неправомерного поведения участников, отводит незаконные или необоснованные вопросы, фиксирует факты отказа от подписания протокола и пр.). В случаях участия в следственном действии оперативных сотрудников, специалистов и (или) иных лиц, осуществляющих организационно-техническое сопровождение (полицейские, сотрудники ФСИН России, МЧС России, войск национальной гвардии РФ, медицинских работников и т.д.), следователь также координирует их деятельность, дает им поручения о выполнении отдельных познавательных или организационно-обеспечительных процедур.

С другой стороны, следователь выступает в роли субъекта-познавателя и лично посредством зрения, слуха (а в некоторых случаях – иных органов чувств) воспринимает вербальные и «невербальные»⁸ информационные сигналы, поступающие от различных материальных и идеальных фрагментов объективной реальности, отражающих обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, собирает (формирует) новые или проверяет имеющиеся

доказательства, фиксируя ход и результаты своей деятельности в соответствующем протоколе, т.е. является наиболее активным исполнителем познавательных технологий, составляющих основное содержание любого следственного действия.

Следователь (либо лица, выступающие в качестве его процессуальной альтернативы, о которых речь пойдет ниже) является единственным обязательным участником следственного действия. В этой связи мы вновь позволим себе не согласиться с С.А. Шейфером, относящим к обязательным субъектам следственных действий наряду со следователем так называемых «вторых участников информационного процесса» – допрашиваемых, опознающих, опознаваемых и т.д.⁹ Некоторая неточность позиции уважаемого ученого, видимо, обусловлена индуктивным подходом, попыткой формирования общей закономерности на основании отдельных, частных случаев. Производство допроса, предъявления для опознания и некоторых других следственных действий вербального характера и в самом деле невозможно без «второго участника», так как основной метод их проведения – расспрос – предполагает диалог, беседу, ответы на вопросы. Однако система следственных действий вовсе не ограничивается вербальными познавательными приемами. Как уже было отмечено выше, многие из них основаны на принципиально другом, «невербальном» способе, предполагающем собственное наглядно-образное восприятие следователем материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, и поэтому не требующем обязательного участия другого лица. К примеру, осмотр предметов или документов следователь вообще вправе провести без чьего-либо присутствия; современный закон даже не требует обязательного приглашения для этого понятых. Другое дело, что обязательные участники могут быть предусмотрены процессуальной формой какого-то конкретного вида следственного действия: при осмотре трупа – это специалист – судебный медик; при освидетельствовании – соответствующее лицо; при обыске помещения – его собственник (совершеннолетние члены его семьи) и т.д. И здесь С.А. Шейфер абсолютно прав, полагая, что одни и те же лица в одних случаях являются обязательными, а в других – факультативными участниками следственных действий¹⁰.

⁸ Под «невербальным» способом познания в уголовном судопроизводстве мы понимаем систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (зрительного или посредством иных органов чувств) восприятия дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся в соответствующие мысленные образы посредством наглядно-образного мышления. Подробнее об этом см.: *Росинский С.Б.* Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 58–62. С учетом многообразия толкований термина «невербальный» в процессуальной и криминалистической литературе мы используем его в данном контексте с определенной долей условности и поэтому преднамеренно берем его в кавычки.

⁹ См.: *Шейфер С.А.* Указ. соч. С. 149.

¹⁰ См.: Там же.

Обязательное участие следователя в производстве любого следственного действия обусловлено по крайней мере двумя факторами, вытекающими из его процессуальных функций. Первый из них заключается в том, что именно на следователе как на субъекте-познавателе лежит обязанность восприятия значимых для уголовного дела сведений и их последующей фиксации в соответствующем протоколе. Второй связан с публично-правовой природой правоотношений, составляющих содержание любого следственного действия и обязательным участием в них представителя государства, носителя публичной власти, в роли которого выступает следователь как субъект-распорядитель.

Законность участия следователя в производстве следственного действия, возможность использования им предоставленного арсенала процессуальных полномочий и, как следствие, допустимость полученных результатов (доказательств) зависят от выполнения ряда правил, вытекающих из содержания его уголовно-процессуального статуса и общих условий предварительного расследования. Так, во-первых, данный субъект должен замещать определенную должность в органах предварительного следствия, предполагающую право самостоятельного производства предварительного расследования в соответствии с положениями федерального законодательства и подзаконных нормативных правовых актов Следственного комитета РФ, МВД России и ФСБ России. Во-вторых, законность участия следователя в следственном действии зависит от правильно определенной ведомственной и территориальной подследственности уголовного дела (ст.ст. 151–152 УПК РФ). И хотя в своих работах мы уже высказывали позицию об отсутствии какого-либо «высокого» правового значения института подследственности и целесообразности его передачи на подзаконный уровень¹¹, эти правила пока сохраняют статус законодательно определенных общих условий предварительного расследования, поэтому требуют безусловного исполнения. В-третьих, процессуальный режим производства любого следственного действия должен быть обеспечен гарантиями объективности и беспристрастности следователя, предполагающими недопустимость обстоятельств, исключающих его участие в уголовном судопроизводстве (ст. 61 УПК РФ). И, наконец, в-четвертых, правомерность участия сле-

дователя в производстве следственного действия связана с выполнением определенных юридических процедур, предполагающих распространение его полномочий на конкретное уголовное дело (отдельное следственное действие). Так, по общему правилу (ст. 156 УПК РФ), следователь получает формальную возможность проведения следственного действия после вынесения решения о принятии соответствующего уголовного дела к своему производству (исключения составляют только безотлагательные следственные действия: осмотр места происшествия, трупа, освидетельствование и др., проводимые до возбуждения уголовного дела). В случае формирования для расследования сложного уголовного дела следственной группы (ст. 163 УПК РФ) ее члены вправе самостоятельно проводить по нему следственные действия (принимать участие в их производстве) после вынесения соответствующего постановления руководителя следственного органа. Без принятия уголовного дела к производству (включения в состав следственной группы) следователь вправе проводить отдельные следственные действия лишь при наличии письменного поручения другого следователя (ч. 1 ст. 152 УПК РФ) или запроса иностранного государства об оказании правовой помощи в порядке международного сотрудничества по уголовному делу (ст. 457 УПК РФ).

В особо сложных случаях, при чрезмерно высокой нагрузке на следственных работников или в иных необходимых ситуациях следственные действия могут осуществляться лично *руководителем следственного органа* (ч. 2 ст. 39 УПК РФ) или *следователем-криминалистом* (п. 40¹ ст. 5 УПК РФ), обладающими при этом полномочиями обычного следователя, что предполагает наличие всех рассмотренных выше правовых условий, обеспечивающих процессуальную доброкачественность этого участника уголовного судопроизводства. Кроме этого следователь-криминалист по специальному поручению руководителя следственного органа вправе принимать наряду со следователем участие в отдельных следственных действиях для оказания организационно-методической помощи последнему или самостоятельно осуществлять следственные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

Дознаватель – это участник следственного действия, выполняющий функции аналогичные функциям следователя при наличии специальных правовых гипотез, допускающих передачу

¹¹ См.: Россинский С.Б. Правилам подследственности не место в Уголовно-процессуальном кодексе // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 92–98.

юрисдикционных полномочий в досудебном производстве из ведения органов предварительного следствия в ведение органов дознания, а именно: а) при производстве дознания как формы предварительного расследования (гл. 32 УПК РФ); б) при выполнении неотложных следственных действий (ч.ч. 1–3 ст. 157 УПК РФ); в) при выполнении отдельных поручений следователя о производстве следственных действий (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). В случаях проведения дознания как формы предварительного расследования на правах дознавателя в производстве следственного действия могут принимать участие *начальник подразделения дознания* (ч. 2 ст. 40¹ УПК РФ) и *начальник органа дознания* (ч. 2 ст. 40² УПК РФ).

Поскольку правовые условия осуществления следственных действий дознавателем, начальником подразделения дознания или начальником органа дознания в целом аналогичны рассмотренным выше условиям работы следователя, то они не должны вызывать каких-либо ощутимых затруднений в правоприменительной практике, если, конечно, не принимать во внимание более низкий профессиональный уровень соответствующих кадров. Однако это не совсем так.

Основной вопрос, который вызывает недоумение в этом сегменте уголовно-процессуального регулирования, связан с правовой неопределенностью категории «орган дознания» и ее соотношением с механизмами производства неотложных следственных действий в порядке ч.ч. 1–3 ст. 157 УПК РФ. Тем более, что содержащаяся в п. 24 ст. 5 УПК РФ нормативная дефиниция сконструирована весьма поверхностно и вместо привнесения какой-либо ясности, наоборот, приводит к еще большему непониманию читателем (в том числе правоприменителем) заложенного здесь замысла. Во-первых, законодатель совершенно бесцеремонно обращается с хорошо разработанными на доктринальном уровне (в сфере теории государственного управления и административного права) категориями «государственный орган» и «должностное лицо». Ведь орган исполнительной власти (а органы дознания – это и есть структурные элементы системы исполнительной власти РФ) представляет собой государственную организацию, учрежденную для исполнения (обеспечения исполнения) законов или иных нормативных правовых актов, реализации функций государственного управления. При этом он имеет сугубо коллективный характер, обладая соответствующей структурой и штатом государ-

ственных служащих¹². Тогда как должностным лицом признается индивидуальный представитель власти, субъект, замещающий определенную государственную должность и наделенный соответствующими исполнительно-распорядительными полномочиями¹³. О персонифицированном характере должностного лица наглядно свидетельствует и возможность его привлечения к уголовной ответственности (гл. 30 УК РФ), которой, по общему правилу, подлежат только физические лица (ст. 19 УК РФ).

Признание отдельных должностных лиц (начальников органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов, капитанов морских и речных судов, руководителей геологоразведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, глав дипломатических представительств и консульских учреждений РФ) полноценными органами дознания (как это предусмотрено в ст. 40 УПК РФ) недопустимо. Следствием подобной законодательной ошибки является правовая неопределенность в вопросе, на кого в этом случае возлагаются полномочия дознавателя по непосредственному производству следственных действий, а на кого – полномочия начальника органа дознания по осуществлению процессуального руководства и ведомственного контроля. Конечно, правоприменители давно нашли выход из сложившейся ситуации, заключающейся в простом слиянии всех этих полномочий в руках одного и того же субъекта, т.е. фактическом игнорировании общей концепции построения органов дознания как участников уголовно-процессуальной деятельности. Командир воинской части, капитан судна, руководитель зимовки и т.д. одновременно является и сам себе начальником, и сам себе подчиненным. Такой подход как бы наделяет единоличный орган дознания (дознавателя) гораздо большей степенью юрисдикционной независимости по сравнению со следователем, к которому, кстати, государство предъявляет значительно более высокие квалификационные требования. В данном случае лицо, выполняющее неотложные следственные действия, ввиду удаленности от места постоянной дислокации вышестоящего начальства, прокуратуры и суда практически полностью освобождается от бремени

¹² Например: *Росинский Б.В., Старилов Ю.Н.* Административное право: учебник. 4-е изд. М.: Норма, 2009. С. 215.

¹³ См.: *Там же.* С. 368–371.

надзора и контроля за законностью реализации своих полномочий.

Во-вторых, законодатель, наделяя органы дознания правом проведения следственных действий, очевидно не предполагает участия в их производстве того или иного государственного органа исполнительной власти в полном составе. Если таковым согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ признается территориальный орган внутренних дел (например, ГУВД по г. Москве со штатной численностью в несколько десятков тысяч человек), то это вовсе не означает необходимости присутствия при осмотре, обыске, выемке, допросе и т.д. каждого из них; подобный тезис выглядит более чем абсурдным. Поэтому УПК РФ традиционно предполагает толкование сущности органов дознания не в общем (организационном или административно-правовом), а в собственном, условном (уголовно-процессуальном) контексте – как наличие правовой связи, состоящей из двух звеньев: «начальник органа дознания → дознаватель». В крупных правоохранительных органах со сложной внутренней структурой подобная связка приобретает трехзвенный характер: «начальник органа дознания → начальник подразделения дознания → дознаватель». По смыслу уголовно-процессуального закона дознаватель по сравнению со следователем обладает значительно меньшей процессуальной самостоятельностью; он обязан согласовывать с начальником органа дознания (подразделения дознания) гораздо больший спектр проводимых действий и принимаемых решений. Собственно, именно для этого законодатель и вводит в предмет уголовно-процессуального регулирования такого сложного участника, как орган дознания, полномочия которого реализуются дознавателем, но строго по поручению начальника.

Сугубо теоретически данный подход выглядит достаточно безупречным, отвечающим единой концепции о дифференциации процессуальных статусов субъектов уголовной юрисдикции применительно к различным формам досудебного производства. Однако с практической точки зрения он имеет «ахиллесову пятю», обусловленную особенностями следственных ситуаций, ради которых, собственно, и был предусмотрен механизм производства органом дознания неотложных следственных действий. Вполне очевидно, что этот процессуальный институт приобретает особую актуальность в отдаленных сельских поселениях, воинских частях и иных местах, находящихся вдали от «большой

земли». Наглядным примером здесь является уже описываемое нами ранее уголовное дело по факту нанесения рыбаками-браконьерами средней тяжести вреда здоровью инспектору Рыбнадзора на окраине небольшой деревни Юккогуба Медвежьего района Республики Карелия (примерно в 130 км от районного центра). До прибытия следователя проведением неотложных следственных действий занимался местный участковый¹⁴. В приведенной ситуации, как и во многих других аналогичных случаях, непосредственный исполнитель следственных действий (дознаватель) находился на значительном расстоянии от своего руководства (начальника органа дознания), работающего в районном центре, что, безусловно, мешало их реальному процессуальному взаимодействию по обозначенной выше схеме: «начальник органа дознания → дознаватель». Конечно, географические особенности Российской Федерации не позволяют обеспечить постоянную дислокацию полноценного органа дознания в непосредственной близости от каждого населенного пункта или иного места пребывания людей. Но подобная практика в очередной раз фактически сводится к слиянию всех полномочий органа дознания в руках одного и того же субъекта, действующего в условиях почти полной бесконтрольности и безнадзорности со стороны вышестоящего начальства, прокурора и суда. Кроме того, она имеет и еще один существенный недостаток. Являясь единственным субъектом-правоохранителем на закрепленной за ним территории, такой участковый помимо неотложных следственных действий проводит оперативно-розыскные или административно-правовые мероприятия, нередко самостоятельно пресекает преступную деятельность, задерживает подозреваемых, что обуславливает необходимость его допроса в качестве свидетеля. Конечно, процессуальный закон не запрещает возложение обязанности проведения неотложных следственных действий и непроцессуальных мероприятий на одно и то же лицо (согласно ч. 2 ст. 41 УПК РФ подобный запрет введен лишь в части дознания как упрощенной формы предварительного расследования). Вместе с тем практическая перспектива допроса самого себя в качестве свидетеля явно недопустима и полностью противоречит одному из описанных выше условий правомерности осуществления

¹⁴ См.: *Россинский С.Б.* Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009. С. 363.

лицом следственного действия – объективности и беспристрастности (ст. 61 УПК РФ).

Единственный реальный выход из всех описанных выше проблем осуществления органом дознания неотложных следственных действий нам видится в активном и повсеместном внедрении в следственную практику современных технических средств, в частности, систем видеоконференцсвязи и спутниковой связи, интернет-коммуникаций, электронного документооборота и тому подобных инновационных технологий, подобно тому, как это в настоящее время происходит в судебных стадиях уголовно-процессуальной деятельности. Кстати, подобные идеи высказываются многими современными учеными. В частности, они подробно рассматриваются в кандидатских диссертациях Е.А. Архиповой¹⁵, В.А. Родивилиной¹⁶, И.В. Казначей¹⁷ и других молодых исследователей. Очевидно, что практическая реализация данных инновационных технологий в досудебном производстве потребует пересмотра целого ряда норм и институтов уголовно-процессуального права. А, самое главное, это будет напрямую зависеть от государственной политики в сфере обеспечения правоохранительных органов современными техническими средствами, предполагающей появление и надлежащее финансирование соответствующих целевых программ и т.д. Однако такие подходы в перспективе позволят оптимизировать практику осуществления органами дознания неотложных следственных действий, наладить соответствующие надзорно-контрольные механизмы, т.е. добиться того результата, который действительно будет соответствовать замыслам законодателя в части досудебного производства.

И, наконец, последняя категория должностных лиц, осуществляющих следственные действия, – это *оперативные сотрудники* оперативных подразделений МВД России, ФСБ России и других органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по проведению оперативно-розыскной деятельно-

сти. Правовая возможность их участия в следственном действии обусловлена ч. 7 ст. 164 УПК РФ. Привлеченные к производству следственных действий оперативные сотрудники могут выполнять как поисково-познавательные, так и организационно-обеспечительные функции.

Поисково-познавательные функции оперативных работников выражаются в оказании помощи следователю в поиске и восприятии информации, имеющей значение для уголовного дела, в обнаружении, предварительном исследовании и фиксации различных предметов и документов, в проведении иных действий, обуславливающих собирание (формирование) новых или проверку имеющихся доказательств. Тогда как организационно-обеспечительные функции направлены на создание наиболее благоприятных условий проведения следственного действия, на обеспечение безопасности его участников, на возможное принуждение отдельных лиц к выполнению законных требований следователя, в частности, на преодоление активного противодействия производству следственного действия и т.д.

Участие оперативных сотрудников в производстве следственных действий в порядке ч. 7 ст. 164 УПК РФ носит исключительно вспомогательный характер и не связано с возложением на них распорядительных функций по направлению их хода, по руководству и организации деятельности других участников, по обеспечению реализации принципов уголовного судопроизводства и предусмотренных законом более частных правовых гарантий. Субъектом-распорядителем следственного действия независимо ни от чего остается следователь. Самостоятельное проведение оперативными работниками следственных действий предполагает принципиально иной правовой режим: производство неотложных следственных действий или выполнение отдельных поручений следователя в качестве представителей органов дознания (ст. 157 УПК РФ).

***

В современной теории и практике следственных действий актуальным является вопрос об участии в их производстве сотрудников специальных силовых подразделений правоохранительных органов (особого назначения, специального назначения и т.д.). Их основное предназначение – обеспечение надлежащего порядка производства следственно-

¹⁵ См.: Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2013. С. 44–90.

¹⁶ См.: Родивилина В.А. Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. С. 117–137.

¹⁷ См.: Казначей И.В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве (пути совершенствования): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2015. С. 105–154.

го действия и безопасности его участников, принуждение отдельных лиц к выполнению законных и обоснованных требований следователя, преодоление активного противодействия (в том числе вооруженного сопротивления) обследованию обстановки соответствующего места, поиску, обнаружению и изъятию предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела, собиранию (формированию) новых и проверке имеющихся доказательств.

В этой связи Генеральный прокурор РФ обращал внимание на необходимость решительного пресечения попыток привлечения сотрудников спецподразделений не в качестве физической защиты, а в целях оказания психологического воздействия на участников процесса. Он отмечал, что привлечение указанных сотрудников к обеспечению обыска или выемки допускается лишь в исключительных случаях, когда есть реальная возможность активно, в том числе вооруженного, сопротивления или неповиновения законным требованиям следователя. О каждом таком случае должна быть сделана соответствующая запись в протоколе с указанием индивидуальных идентификационных номеров привлекаемых сотрудников спецподразделений¹⁸.

Безусловно, присутствие сотрудников специальных силовых подразделений носит не процессуальный, а сугубо организационно-технический, обеспечительный характер; безусловно, эти субъекты не наделены полноценным правовым статусом участников следственных действий, не имеют предусмотренных УПК РФ полномочий, прав, обязанностей, ответственности. Но данный аспект нельзя оставить без должного внимания ввиду неопределенной юридической основы выполнения ими подобных правоохранительных функций, в частности применительно к работе бывших специальных подразделений МВД России.

До недавнего времени этот вопрос не представлял особых затруднений, поскольку правовой основой привлечения сотрудников органов внутренних дел к производству следственных действий служил п. 9 ст. 12 Закона «О полиции», помимо прочего уполномочивающий оказывать содействие в их осуществлении. Кроме того, представители среднего и старшего начальствующего состава специальных подразделений, находившихся в ве-

дении криминальной полиции, замещали должности, предполагающие возможность осуществления оперативно-розыскной деятельности, поэтому могли принимать участие в следственных действиях в порядке ч. 7 ст. 164 УПК РФ.

Однако на сегодняшний день ввиду проведенной реформы правоохранительных органов все бывшие силовые подразделения органов внутренних дел переданы в ведение войск национальной гвардии РФ, не имеющих полномочий, направленных на полноценное организационно-техническое обеспечение следственных действий. Согласно ч. 2 ст. 13 Закона о Росгвардии¹⁹ ее подразделения вправе лишь производить оцепление (блокирование) участков местности, где проводятся следственные действия. Видимо, подобный пробел явился следствием непродуманности и поспешности принятия данного законодательного акта, что, к великому сожалению, случается в современном национальном правотворчестве достаточно часто. Но независимо от причины этого нормативно-правового недочета незаконность привлечения сотрудников войск национальной гвардии РФ к производству следственных действий вполне очевидна. Как государство будет выходить из данной ситуации: в очередной раз вносить изменения в наше многострадальное законодательство или проводить организационно-штатные изменения, – покажет время.

Библиографический список

1. *Архипова Е.А.* Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2013.
2. *Казначей И.В.* Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве (пути совершенствования): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2015.
3. *Михайлов В.А.* Задачи уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2011. № 2.
4. *Орлов Ю.К.* Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016.
5. *Родивилина В.А.* Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016.

¹⁸ См.: Приказ Генерального прокурора РФ от 30 января 2001 г. № 5 «О мерах по усилению прокурорского надзора за законностью производства выемки и обыска» (документ утратил силу).

¹⁹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4159.

6. *Россинский Б.В., Стариков Ю.Н.* Административное право: учебник. 4-е изд. М.: Норма, 2009.
7. *Россинский С.Б.* Каким должен быть российский следователь? (К 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.
8. *Россинский С.Б.* Концепция судебной реформы в РСФСР и современные проблемы организации предварительного следствия // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3.
9. *Россинский С.Б.* Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2015.
10. *Россинский С.Б.* Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2.
11. *Россинский С.Б.* Правилам подследственности не место в Уголовно-процессуальном кодексе // Библиотека криминалиста. 2016. № 6.
12. *Россинский С.Б.* Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015.
13. *Россинский С.Б.* Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009.
14. *Шейфер С.А.* Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11.
15. *Шейфер С.А.* Следственные действия: система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001.
16. *Шелегов Ю.В.* Использование косвенных доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016.